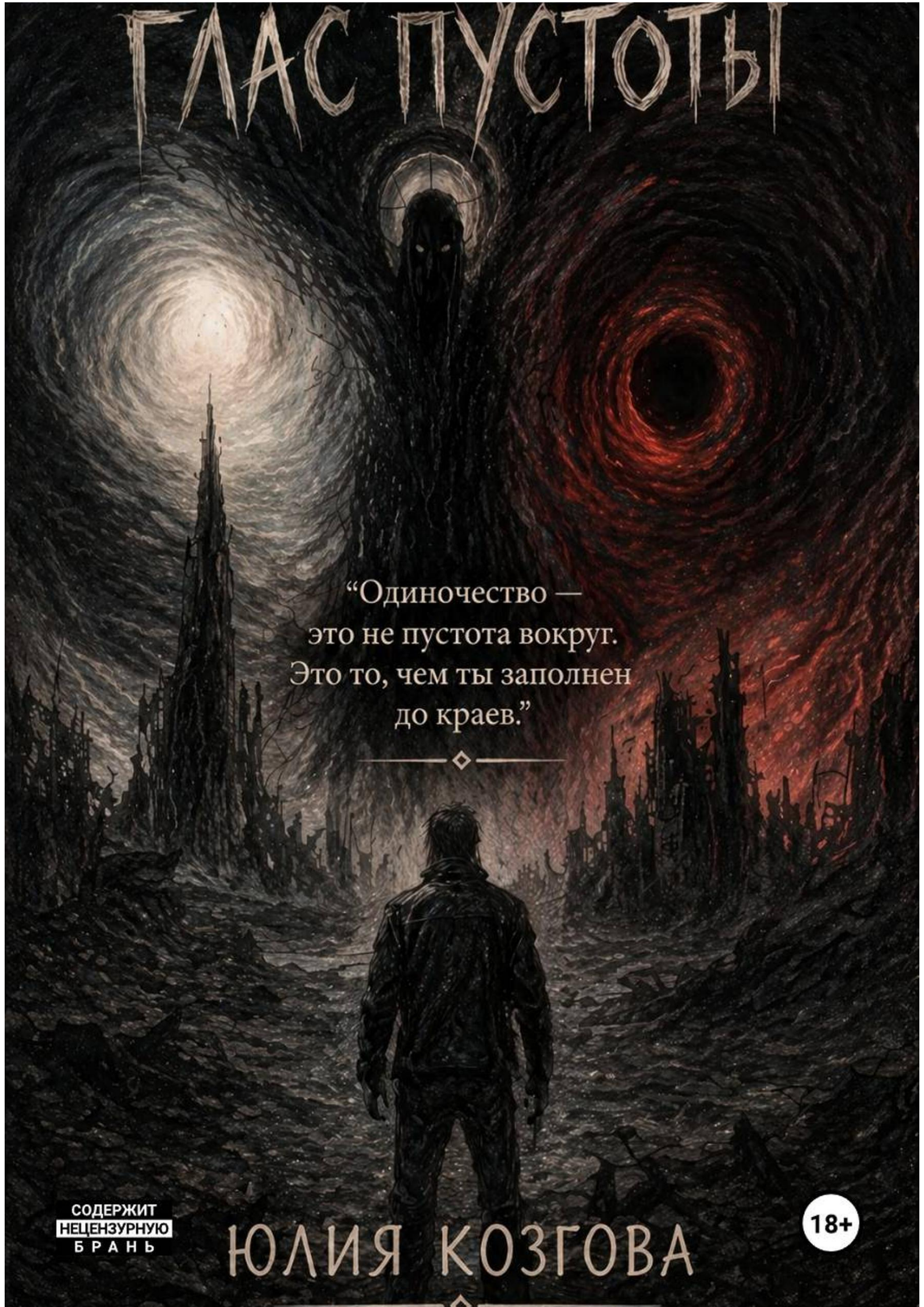

ГЛАС ПУСТОТЫ

“Одиночество —
это не пустота вокруг.
Это то, чем ты заполнен
до краев.”

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЮЛИЯ КОЗГОВА

18+

Юлия Козгова

Глас пустоты

«Автор»

2026

Козгова Ю. Д.

Глас пустоты / Ю. Д. Козгова — «Автор», 2026

ГЛАС ПУСТОТЫ Мир стоял на пороге неизбежного раскола, когда из столкновения первородного света и абсолютной тьмы родился он — зловещий и безмолвный Глас, несущий гибель всему живому. Небеса обагрились пеплом, привычная реальность рассыпается на осколки, а древние боги и люди оказались лишь пешками в глобальной игре на уничтожение. На опустошенной, погружающейся в хаос земле человек в потертой кожаной куртке лицом к лицу сталкивается с надвигающейся бурей. Ему предстоит сделать выбор перед лицом вселенской энтропии: смириться с абсолютной пустотой или попытаться найти выход там, где даже звезды давно перестали гореть. Мрачный, атмосферный фантастический роман о конце времен, тяжести выбора и рождении зла, которое невозможно перекричать.

© Козгова Ю. Д., 2026

© Автор, 2026

Юлия Козгова

Глас пустоты

Октябрь 2023 года. Люминар. Маяк.

Третий час удушающей вахты на смотровой площадке подходил к концу. Ледяной ветер, врывающийся с залива, казался сырым и липким — словно гниющий, забытый на веревке саван. Эйнар давно сросся с этим запахом: едкая соль, разлагающиеся бурые водоросли, иссушенное временем трухлявое дерево. Этот удушливый букет запахов вьелся в кожу столь глубоко, что старик перестал его ощущать. Так обитатели проклятых домов со временем перестают слышать зловещее тиканье часов в запертых комнатах.

Седовласый хранитель разменял восьмой десяток — ему исполнилось семьдесят три года. Он пришел в этот мир в суровом 1950-м, ровно через пять лет после того, как отгремели последние залпы безжалостной войны. Три десятилетия старик неотлучно нес свою службу: следил, чтобы вечный огонь маяка пожирал масло, и оберегал покой тех несчастных, что стекались к Кругу Перехода в поисках зловещих истин. Тридцать лет монотонного кошмара стерли его прошлое. Память угасла, не оставив и следа от того, кем он был прежде. Казалось, эта исполинская каменная башня породила его сама.

Но это было не так.

Истоки жизни Эйнара брали начало в убогой лачуге на глухой окраине города. Глава семейства, Карл, гнул спину на сыром рыбном складе, а мать Марта раздираала руки до крови, стирая в ледяной воде чужое тряпье.

В этой беспросветной мгле теплилась лишь одна искра — младшая сестра Эльза, родившаяся в 1955 году, когда Эйнару исполнилось пять. Он помнил малютку прозрачной, хрупкой, точно фарфоровая кукла. На её бледном лице сияли бездонные, полные немого обожания к брату, серые глаза. Отец боготворил свою кроху, величал «маленьким ангелом» и бережно носил на крепких плечах, словно защищая от жестокого мира.

Беда нагрянула внезапно в год десятилетия Эйнара. Пятилетнюю сестренку подкосила лихорадка. Сначала изнуряющий жар списали на обычную простуду, но удушливый кашель не прекращался, терзая грудь ребенка. Спустя семь мучительных дней девочка лишилась сил подняться с постели. Лекари вынесли безжалостный вердикт: туберкулез. Смертный приговор без права на надежду.

Свеча жизни Эльзы угасла через три месяца. Ей едва исполнилось пять лет.

Эйнар неподвижно стоял у свежерытой могилы, замороженно наблюдая, как дощатый гроб погружается в сырую пасть земли. Сухие глаза мальчика не знали слез — он попросту не понимал, как оплакивать мертвецов. Маленький свидетель трагедии безмолвно внимал глухому стуку комьев грязи по крышке гроба. В детском разуме билась лишь одна леденящая мысль: эти серые омуты глаз больше никогда не обратятся к нему, и детский шепот никогда не попросит: «Эйнар, почитай мне сказку».

Ровно через год рок забрал и отца. Смерть настигла Карла посреди зловонных складов: прогнившие деревянные стеллажи с диким треском обрушились, погребая его под грудой тяжелых бочек с соленой рыбой. Несчастного раздавило мгновенно. Эйнару в тот черный год исполнилось одиннадцать.

Вдова не проронила ни единой слезы у разверстой могилы мужа. Застыв безжизненным извечием у свежего деревянного креста, Марта уставилась в никуда остекленевшим, мертвым взором. У нее не осталось слез — ни для мужа, ни для покойной дочери. Женщина погрузилась в глухое, пугающее молчание, а затем погрузилась в алкогольный дурман.

Сырое зловоние дешевого пойла навсегда пропитало стены их лачуги. Мать пила беспробудно: заливала горе на закате, глушила сознание на рассвете, засыпала в беспамятстве.

Чужое белье покрывалось плесенью, очаг остыл, а человеческая речь исчезла, оставив ее губы безмолвными. Одинокaя тень часaми сидела в углу, вперив безумный взгляд в пустую стену.

Материнский инстинкт сгорел в парах спирта, уступив место лютой, садистской ненависти к выжившему сыну. Марта презирала Эйнара за то, что его легкие продолжали дышать, в то время как Эльзу пожирал тлен. Побои стали обыденностью. Жестокие удары по лицу, спине и голове врезались в память мальчика каленым железом. Озверевшая женщина истязала его в приступах пьяной ярости и в моменты угрюмого похмелья, карая за то, что он посмел остаться в живых.

— Почему ты дышишь, а она гниет?!

— иступленно выла Марта. — Почему земля забрала не тебя?!

Эйнар лишь безмолвно сжимал зубы, снося удары.

В четырнадцать лет подросток разорвал эти путы. Не проронив ни звука на прощание, парень собрал жалкие пожитки и шагнул за порог, навсегда отрекаясь от проклятого дома. Впереди ждала безжалостная улица: холодный кафель вокзалов, грошовый каторжный труд, голод. Он не молил о милосердии и не протягивал руку за подаванием, ведя тихую войну за выживание.

Смерть матери прошла мимо него. Два года спустя — в 1966-м — цирроз печени окончательно доконал опустившуюся женщину. Её прах был упокоен рядом с мужем и дочерью на том же заброшенном погосте. Эйнар узнал об этом мимоходом от портовых оборванцев. Юноша не пришел на её могилу. Он лишь долго стоял на краю причала, вглядываясь в бездонную пучину моря.

Эйнара будто ударило током: на всей земле у него не осталось ни единой родной души.

Судьбоносный 1969 год привел скитальца под сень маяка. Всё предрешил случай. Изгнанный с очередной копеечной работы, юноша брел вдоль пустынного побережья, пока взгляд не зацепился за полустертую, поросшую бурьяном тропу, уползающую на дикий мыс. Ноги сами понесли его вперед, навстречу неизвестности.

И тогда перед ним возник Маяк. Белоснежный колосс возвышался над бездной, словно гигантский костяной перст, грозящий небесам. Эйнар видел эту башню с детства, из окон своего далекого бедного квартала, но лишь теперь, оказавшись лицом к лицу с исполином, ощутил первобытный трепет. Строение казалось одушевленным. Из его каменных глубин доносился едва уловимый ритмичный гул, похожий на тяжелое, натужное дыхание дремлющего чудовища.

Тяжелая дубовая дверь манила зияющей чернотой — она была приоткрыта. Эйнар переступил порог. Подъем по крутой винтовой лестнице казался бесконечным, каждый шаг дробил гулким, потусторонним эхом в каменной утробе. На верхней смотровой площадке застыл старик.

Он неподвижно сидел на каменном выступе, устремив взор на свинцовые волны. Время стерло его возраст: лицо покрывала густая сеть глубоких морщин, напоминающая древнюю карту забытых захоронений. Пальцы походили на узловатые, иссохшие корни векового дерева. Старик казался неотъемлимой частью самой башни, её живым наростом.

— Наконец-то ты явился, — проскрипел незнакомец, даже не повернув головы.

Ужас велел Эйнару бежать прочь, но ноги словно вросли в холодные плиты пола.

— Ты здесь, — эхом повторил старик, и в его голосе послышался шелест сухой листвы.
— Я слишком долго ждал тебя.

Его звали Олафом. Полвека этот человек безвыездно нес вахту на краю обитаемого мира. Рожденный на заре столетия, в 1900 году, он давно утратил счет собственным годам и стер из памяти земное прошлое. Маяк заменил ему кров и семью. Десятилетиями Олаф не покидал пределов мыса, зная наизусть характер каждого камня, зловещий шепот трещин и стон башни

под ударами бурь. Он безошибочно читал настроение колосса — знал, когда тот погружен в дремоту, а когда жаждет крови и жертв.

— Мне нужно пристанище..., любая работа, — хрипло выдавил Эйнар. — Я справлюсь с чем угодно.

Олаф медленно повернул голову. В его помутневших глазницах клубилась вековая, мертвенная усталость духа, познавшего слишком много. Но на самом дне этих зрачков мерцал едва заметный, пугающий огонек — гипнотический свет бездны.

— Ты примешь этот пост, — вынес вердикт старый безумец. — Не завтра. Но твоя судьба уже запечатана здесь.

Началось долгое, изнурительное обучение. Старик ревностно передавал неопиту тайные знания: как пробуждать к жизни слепящее пламя в недрах лампы, как полировать гигантские стеклянные линзы Френеля, похожие на фасеточные глаза неведомого насекомого. Но главное — наставник учил его вслушиваться в безмолвие башни, воспринимая её не слухом, а обнаженными нервами. Распознавать фазы её бытия: моменты летаргического покоя, периоды томительного ожидания и минуты, когда исполин снисходил до ответа.

— Маяк — это не бездушный кусок гранита, источающий свет, — напутствовал Олаф, понижая голос до шепота. — Он обладает голосом. Но вещает лишь для тех, чья душа созвучна его вибрациям. Настанет день и ты услышишь его песнь.

Эйнар впитывал науку плотью и кровью. Сутки за сутками он жадно запечатлевал в сознании поучения наставника: удушающий запах раскаленного масла, замогильный скрежет шагов по винтовым пролетам, безумный вой штормов. Особое место в его мыслях занял загадочный Круг Перехода, чьи очертания у подножия башни приобретали зловещий вид под мертвенным сиянием летнего солнцестояния.

— Что таит в себе этот Круг? — решился однажды спросить ученик.

Олаф одарил его долгим, пронизывающим до костей взглядом, в котором сквозило безумие.

— Это пограничные врата, — прошептал старик. — Алтарь, где смертные вымаливают ответы на вопросы, непостижимые для живого разума. Вопросы, которые башня способна принять лишь в том случае, если они проникнуты искренностью.

— Но как отличить искренний призыв?

— Искренний вопрос задают не из жажды утешения, — жестко отрезал Олаф. — Его бросают в бездну, будучи готовым сгореть в пламени её беспощадной правды.

Последний ритуал

Память Эйнара стерла точный возраст, в котором ему впервые довелось воочию узреть таинство Круга Перехода. Юность уже покидала его тело, уступая место суровой зрелости человека, осознавшего всю тяжесть бремени преемственности.

— Этой ночью, — объявил Олаф, и его старческое лицо озарилось зловеще-торжественной радостью, — башня исторгнет призрачное синее пламя. Ты поделишь со мной эту вахту. Ты будешь созерцать и внимать.

Когда мертвенно-бледный диск луны выплыл из черных вод океана, Эйнар застыл у подножия башни. Из темноты, подобно безмолвным теням, начали стекаться безликие фигуры. Паломники несли подношения: горсти могильной соли, срезанные пряди волос, увядшие бутоны и исписанные кровью клочки бумаги. Они благоговейно опускали эти подношения на плиты Круга Перехода и замирали в томительном, кошмарном ожидании.

Олаф взошел на вершину и совершил нечто невообразимое — вершину маяка увенчало inferнальное синее пламя. Этот потусторонний огонь полыхал без единого клочка дыма, не выделяя тепла. Холодный, призрачный свет залил окрестности, вырывая из тьмы то, чему лучше оставаться сокрытым.

Эйнар стоял, оцепенело глядя на каменную кладку, где под воздействием синего свечения начали появляться фосфоресцирующие символы: закручивающаяся вовнутрь спираль, слеза черной влаги, разящий луч. Наследник не принес даров и не посмел потревожить тишину своим вопросом. Он лишь безмолвно созерцал, чувствуя, как нечто ледяное и чуждое проникает под его кожу, перекраивая саму суть души. В этот миг исполинское каменное сердце маяка совершило первый удар в унисон с его собственным.

Спустившись со смотровой площадки, Олаф походил на восставшего мертвеца — осунувшийся, лишенный сил, но с лихорадочно блестящими очами.

— Твой взор узрел истину? — спросил он.

— Да.

— Твой разум запечатлел начертанное?

— Навечно.

— Значит, час пробил. Ты готов принять наследие.

Смерть Олафа

Великий рубеж тысячелетий унес жизнь патриарха. В 2000 году Олаф просто опустился на холодный каменный настил смотровой площадки и без единого вздоха отдал душу башне. Эйнар предал его иссохшее тело земле у самого подножия колосса, в точности исполнив последнюю волю покойного. Глаза преемника вновь остались сухими — слезы давно замерзли в его груди. Хранитель лишь стоял над холмиком земли, омываемым солеными брызгами, и безмолвно созерцал бескрайнюю водную могилу. Он осознал: отныне эта каменная тюрьма безраздельно принадлежит ему.

С этого дня Эйнар стал полноправным узником маяка. Вся его нехитрая жизнь сжалась до размеров тесной, промерзлой кельи в толще стены. Мужчина отказался от мирских утех: не познал тепла семейного очага, не оставил наследников. Маяк поглотил его без остатка, требуя ежесекундного служения. Новый хозяин безукоризненно контролировал состояние горелки, натирал оптику до зеркального блеска, часами вглядывался в штормовую мглу и жадно прислушивался к каждому шороху стен. Он преданно ждал, когда безмолвный исполин вновь заговорит с ним.

Однако сам задавать вопросы так и не решился. Слишком велик был первобытный ужас перед правдой бездны.

Вопрос

Зловещее знамение явилось в 2020 году, когда хранителю исполнилось семьдесят лет. В положенный час inferнальный синий свет не озарил ночную мглу. Эйнар неподвижно высился на смотровой площадке, оцепенев под бледными звездами и уставившись на мертвый, покинутый Круг. Старик простоял без сна до самого рассвета, чувствуя, как ледяные тиски пронизывают плоть, а воцарившееся молчание давит на барабанные перепонки, становясь громче любого крика. Пришло страшное осознание: маяк умолк вовсе не из упрямства. Древнее существо в глубине камня попросту ослепло и оглохло к земным мольбам.

Три долгих года старик изводил свой разум ежевечерними думами. Он скрупулезно воскрешал в памяти чужие безумные вопросы и призрачные письма, проступавшие на стенах. Но разгадка ускользала, оставляя лишь сосущую пустоту.

«Он истощен, — шептал внутренний голос Эйнара. — Его силы иссякли, как и мои собственные. Исполин замер в ожидании иного... катаклизма, способного вывернуть наизнанку всё сущее».

И вот, сырым октябрьским вечером 2023 года, когда семьдесят третий год его земного пути подходил к концу, а багровое солнце медленно тонуло в заливе, словно истекающий кровью зверь, Эйнар ощутил содрогание. Трепет родился глубоко в груди, а не под подошвами сапог. Многотонный гранит едва заметно содрогнулся, словно гигантское существо издало

свой последний, предсмертный вздох. Вслед за этим из глухих, затопленных подвалов башни поднялся потусторонний гул — низкий, рокошующий визг потревоженной бездны.

Хранитель без сил рухнул на колени. Он взирал на раскинувшийся внизу город, где тусклые электрические светлячки вспыхивали один за другим в наползающих сумерках. Внезапно пришло понимание: неведомый механизм пришел в движение. Природа грядущего кошмара оставалась тайной, но предчувствие не обманывало — мир стоял на пороге великого крушения.

Ослабевшие ноги привели его вниз, к безмолвному алтарю Круга Перехода. Плиты оставались бесплодными и холодными. Вглядываясь в серые камни, Эйнар почувствовал, как в груди поднимается темная волна — не ужас и не упование, а щемящий, потусторонний холод неотвратимого прощания.

— Что предначертано миру, когда ты умолкнешь навсегда? — сорвался с его губ единственный, выстраданный всей жизнью вопрос.

Маяк хранил гробовое молчание.

И этот мертвенный покой оглушал сильнее любого грохота.

Эйнар отчетливо понял: его вахта завершена, и обратного пути нет. Его личное время истекло без остатка. Тектонический вздох башни прозвучал не призывом остаться — то было последнее напутствие покинуть этот мир.

Глубокой ночью 29 октября 2023 года, ровно в тот миг, когда стрелки достигли цифру двенадцать, старик опустился на плиты смотровой площадки. Он крепко прижал бледнеющее лицо к ледяному, родному камню, обнимая его, словно умирающего товарища, и сделал свой последний вздох.

В то же мгновение старинные часы во всех домах Старого района застыли на вечных 00:00. Ни один часовой мастер города так и не сумел оживить их шестеренки.

С тех пор величественная башня заснула мертвым сном.

Но ровно три года спустя — 28 октября 2026 года — вселенная содрогнулась от того, во что человеческий разум отказывался верить.

Началось Великое Исчезновение.

Конец пролога.

Глава первая: Бездна над и под

28 октября 2026 года, вне времени. Облачный Предел.

Облачный Предел — величайший чертог Небес, сотканный из первозданного света и абсолютного порядка — стремительно остывал. Прежде здешнее сияние не было просто цветом: оно переливалось всеми оттенками сущего, изливаясь из самих камней и воздуха, знаменуя незримое присутствие Творца. Теперь этот свет сделался блеклым. Он по-прежнему струился отовсюду, но эта неживая субстанция больше не согревала; она напоминала предсмертное мерцание лампы в руках мертвеца.

Ниже, в слоях Эфира, где прежде звенели небесные сферы, поддерживая ход светил, воцарилась неестественная, липкая тишина. Мироздание замерло, словно часовой механизм, с которого сорвали пружину.

В самом центре Предела замер Трон Всевышнего, высеченный из цельного куска застывшей молнии. Его исполинская спинка уходила ввысь, в невидимые слои небес, а подлокотники хранили резьбу, запечатлевшую рождение первых галактик. Здесь не было золота — Трон сам являлся абсолютной ценностью. Когда Творец восседал на нем, пространство вибрировало от мощи. Теперь пустота Трона была оглушительной. Она была раной в самой ткани реальности. Сквозь эту рану в некогда безупречный порядок чертога просачивался холод — не тот, что бывает в зимнюю стужу, а абсолютное отсутствие жизни. Тишина здесь больше не была благоговейным молчанием, ожидающим слова Создателя. Теперь она была давящей, как толща воды над тонущим кораблем, и в этой тишине впервые за эоны лет отчет-

ливо слышалось эхо — не звуки, а вибрация чего-то чуждого, что медленно, слой за слоем, начинало прорастать сквозь само небо. Тишина, воцарившаяся в чертогах, была не просто отсутствием звука — она была ощутимой, как холод пустого склепа. Ангелы стекались к подножию Трона, привлеченные безмолвным, но невыносимым зовом Гавриила. Он первым осознал, что глас Бога — единственная суть, скреплявшая само его существование — оборвался, оставив внутри немую бездну. Его зов не был приказом; это был крик, откликнувшийся болью в сердцах каждого из братьев.

Михаил подошел последним. Он стоял, сжимая в руках обломок некогда величественного копья. Его рост, превышающий три метра, прежде внушал трепет, но сейчас он казался лишь надломленным памятником былому величию. Кожа, некогда сиявшая золотом, побледнела до пепельно-серого; длинные волосы цвета старого снега безжизненно лежали на доспехах, словно погребальный саван. В глазах, когда-то отражавших небесную лазурь, теперь застыл оттенок мутного, слепого льда. Михаил чувствовал, как его сила, тысячелетиями скреплявшая купол небес, уходит сквозь пальцы, словно вода в сухую, алчущую землю. Совесть терзала его: все те жизни, что он отнял во имя «Порядка», теперь казались лишь бессмысленной резней, совершенной для пустого Трона.

Вместе с ним из тени колонн вышел Иегудиил — ангел яростного пламени и верный соратник Михаила, прошедший с ним сквозь бесчисленные битвы минувших эпох. Сейчас, стоя за спиной предводителя, Иегудиил сжимал кулаки с такой силой, что из-под его кожи, подобно искрам остывающего угля, пробивалось тусклое свечение. Он был рожден для войны, для яростного торжества стали, но теперь в его взгляде читалась растерянность: он искал глазами врага, которого нельзя было поразить ни мечом, ни огнем. Его привычная стихия, некогда сжигавшая легионы врагов, в этой мертвой тишине казалась жалким подобием искры, затерянной в ледяном космосе.

Гавриил, Вестник Бога, выглядел как призрак. Его серебряные волосы утратили блеск, а глаза цвета меди подернулись пеленой невыплаканных слез. Он постоянно шевелил губами, пытаясь извлечь хоть эхо Божественного Гласа, но в ответ слышал лишь тишину, в которой, казалось, копошились черви.

Рафаэль, Врач Небес, сидел прямо на плитах, глядя на свои бледные руки. Его длинные, тонкие пальцы — те, что прежде источали мягкое зеленоватое свечение, способное исцелить саму ткань бытия, — теперь были бесполезны. Четыре сероватых, покрытых дорожной пылью крыла, бессильно опущенные на камни, делали его похожим на подбитую птицу, навсегда забывшую вкус неба.

Нанаэль, древний наблюдатель, чьи глаза видели самые первые мгновения творения, стоял на самом краю чертога. В его взгляде, испещренном серебряными крапинками, теперь отражалась лишь бесконечная пустота. Эпохи напролет он беспристрастно записывал историю мироздания, но сейчас его рука дрожала — летопись мира подошла к своему необратимому концу.

Именно он, отчаявшись, первым нарушил тишину, и вскоре под сводами Предела вспыхнул спор о том, кто теперь возьмет на себя управление сиротеющими Небесами. Но это был спор обреченных. Каждое брошенное слово звенело отвратительной фальшью, каждый предложенный план казался жалким кощунством перед лицом зияющей пустоты, оставленной исчезнувшим Творцом.

Ангелы сгрудились у основания Трона, но никакого единодушия не было. Каждый из них чувствовал, как внутри него гаснет свет, и эта агония порождала страх, а страх — взаимные обвинения.

Гавриил, чьи руки всё еще мелко дрожали, взял слово,

— Мы спорим о престолонаследии в то время, как само небо трескается! — голос Гавриила звучал как скрежет камня о камень. — Нам не нужен правитель. Нам нужно понять, кто *отнял* нас Господа. Кто совершил это убийство?

— Убийство? — Михаил, всё еще сжимавший обломок копья, поднял голову. В его мутных глазах вспыхнула искра боли. — Никто не убивал Его. Он просто... ушел. Мы были его руками и волей, а теперь мы просто мусор, оставшийся после завершения великой работы.

— Мы должны взять управление на себя, — вклинился Иегудиил, хотя в его словах не было уверенности. — Если мы создадим единый щит из наших остаточных сил, мы сможем удержать купол от коллапса. Нам нужен... координирующий центр. Тот, кто займет Трон.

— Трон пуст, Иегудиил, — тихо отозвался Рафаэль, даже не поднимая головы от своих рук. — Ты предлагаешь сесть на застывшую молнию? Хочешь сгореть в одно мгновение? Никто из нас не вместит в себя то, что здесь было. Мы не творцы, мы — инструменты. И мастер нас бросил.

Нанаэль стоял чуть поодаль, записывая что-то в свою невидимую летопись, хотя страницы были пусты.

— Вы все ошибаетесь, — произнес он, и в его голосе было столько холода, что ангелы на мгновение замолчали. — Мы спорим не о власти. Мы спорим о том, как нам умереть. Гордо, как стражи, или как те, кто до последнего будет пытаться чинить сломанный мир, который уже не подлежит починке.

Спор, полный фальши и отчаяния, прервал тот самый чудовищный толчок. Он прошел пространство, как нож — натянутую струну. Свод Предела на мгновение пошел трещинами, и в этот раз ангелы не просто почувствовали боль — они увидели, как небо за пределами чертога начинает осыпаться пеплом.

В Рафаэле, сидящем на плитах Предела, медленно угасала последняя искра надежды, но он еще не знал, что эта болезнь уже поразила основы бытия. Зеркальное эхо катастрофы прокатилось по всем пластам реальности, пронзая Эфир и устремляясь вниз, туда, где порядок сменялся вечным хаосом.

28 октября 2026 года, вне времени. Чёрный Зал Совета

Чёрный Зал Совета, затерянный в глубочайших разломах под самыми основами мироздания, гудел от предсмертной агонии. Здесь не было стен в привычном понимании — своды уходили в звенящую, бесконечную черноту, где растворялись гигантские ребра окаменелых титанов перворожденной тьмы, некогда сметенных за неповиновение. Сама архитектура этого места дышала монументальным ужасом: колоссальные колонны из застывшей лавы и расплавленного базальта поддерживали не потолок, а саму тяжесть сотен миров, нависающих сверху.

Девять кругов боли — вся эта выверенная веками, математически безупречная иерархия мучений — трескали по швам, словно шестеренки гигантских часов, в которые бросили горсть щебня. Пространство вибрировало от сдерживаемого хаоса, который теперь, лишившись узды и высшей воли, начал пожирать собственный фундамент. Воздух был плотным, раскаленным до сухой воню серы и озона, пахнущим остывающей кровью и разломанным железом.

В самом центре этого циклопического зала, куда сходились все линии геомантических разломов, зиял трон Люцифера.

Исполинский обсидиановый монолит возвышался на ступенях, источенных веками проклятий. Когда-то этот трон пульсировал живым, слепящим багрянцем, отражая гордыню и власть своего хозяина. Теперь же инкрустировавшие его гигантские рубины почернели и растрескались, словно запекшаяся корка на мертвце. Они больше не горели — они источали тусклый, мертвенный свет, отражая распад. Трон стоял пустым, холодящим пространство зия-

ющей пустотой, и само его запустение кричало громче любых голосов: хозяин ушел в эпицентр рокового слияния, оставив империю умирать в тисках безумия.

Совет собрался по экстренному требованию Лилит. Верховная демонесса Лилит должна ощущаться как истинная хозяйка этого гибнущего мира — не просто номинальный лидер, а сила, равная по мощи стихии, стоящая по правую руку от самого Люцифера.

Давайте дополним ее портрет указанием на то, чему именно она покровительствует, и покажем ее монументальную роль в иерархии Ада:

Совет собрался по экстренному требованию Лилит. Верховная демонесса, владычица ночных страстей, матерей греха и первородных соблазнов, чья мертвенно-бледная кожа резко контрастировала с окружающим мраком, возвышалась над обсидиановым столом. Как правая рука Люцифера и хранительница сокровенных законов бездны, она веками управляла самой сутью человеческих пороков и темной стороной желаний, держа в железных руках баланс империи.

Теперь же эта империя рассыпалась. За её спиной расправлялись исполинские, черные как тьма крылья, подергивающиеся в такт судорожным вибрациям зала. В тонких пальцах она сжимала ритуальный клинок — кинжал, выточенный из кости первого грешника, мерцающий тусклым, мертвенным светом, готовый в любой момент обогреться кровью предателей или отголосками чужой воли.

Астарот, князь Восьмого круга и владыка цитадели обмана, сидел на краю стола, лениво перебирая когтями обломки почерневших рубинов. Хотя его фигура не играла решающей роли в грядущих масштабных битвах за пределами Ада, в пределах Совета его слово весило немало — за ним стояли легионы искушенных лжецов и архитекторов катастрофических интриг. Сейчас его огромная, тяжело скроенная фигура, обычно внушавшая суеверный ужас, выглядела раздутой и пресыщенной, почти апатичной. Он не смотрел на Лилит, не разделяя ее лихорадочной тревоги, и лишь криво усмехался, наблюдая, как из его приоткрытого рта вместе с каждым выдохом вырываются густые клочья гнилого тумана — смрад разлагающихся договоров и вероломства, которыми он питался веками.

Рядом, в самом изломе теней, неподвижно стоял Ксарак — мастер смертоносных засад и великий стратег, чьи военные таланты признавали даже те, кто презирал его саму сущность. Его бронзовая кожа казалась чужеродной в этом мире серости и черного обсидиана, подчеркивая его обособленность. Он был закутан в глухой черный балахон, скрывающий большую часть фигуры, но из капюшона на присутствующих смотрели пустые, горящие потусторонним огнем глазницы, а вокруг головы извивались и шевелились живые волосы-щупальца, словно жадно втягивающие вкус надвигающейся пустоты.

Лилит никогда не доверяла ему, интуитивно держа ухо востро и помня, что за любой его гениальной комбинацией может скрываться многоходовая ловушка. Однако его профессиональные навыки оставались неоспоримыми: в ситуации, когда мир трещал по швам, она признавала, что холодный ум Ксарака и его талант к рискованным стратегическим планам — единственное оружие, способное переломить хаос. Сам же Ксарак молча наблюдал за всеобщей паникой, не тратя слов на пустые споры, словно уже просчитывал варианты отступления на случай гибели самого Ада.

Сейнара, высокая демонесса в узком стальном панцире, с безупречными чертами лица, мертвенно-белыми волосами до колен и тонкими обсидиановыми рогами, стояла чуть в стороне, скрестив руки, и хранила ледяное молчание. Ее угольно-черная кожа едва заметно мерцала в тусклом свете, а в серебристых глазах читалось абсолютное, ни на чем не завязанное превосходство. Будучи воплощением злого рока и неотвратимости, она не пыталась оспорить первенство Лилит — ей это было просто не нужно. Она присутствовала здесь скорее как живое предзнаменование: даже в рушащемся Зале Совета, где Лилит пыталась удержать расплываю-

щуюся по швам империю, Сейнара выглядела так, будто уже знала истинный и неизбежный исход этого собрания.

— Мы тратим время, — проскрипел Астарот, не оборачиваясь. — Трона нет. Господина нет. Ад больше не машина, Лилит. Он — труп, который начал разлагаться. Зачем нам спасать то, что уже остыло?

— Мы здесь не для того, чтобы хоронить, — голос Лилит эхом отразился от обсидиановых стен, но в нём не было прежней власти. — Мы здесь, чтобы не дать Хаосу сожрать наши вотчины раньше, чем мы сами перегрызем друг другу глотки.

Малх издал фальшивый, звенящий смешок, который тут же оборвался хрипом; его иллюзорный колпак на миг рассыпался горсткой пепла, обнажая истинный оскал ужаса.

— Структура? — Сейнара чуть наклонила голову, и в тишине зала тихо звякнул металл ее доспеха. Ее голос прозвучал холодно и размеренно, резая воздух лучше любого клинка. — Структура — это то, что вы променяли на балаган. Ад — не труп, Астарот. Он просто ждет, пока кто-то вычистит мусор, который вы сами же здесь развели. Хаос — ваш дом, но порядок устанавливаю здесь я.

— Мы тратим время, — проскрипел Астарот, не оборачиваясь. — Трона нет. Господина нет. Ад больше не машина, Лилит. Он — труп, который начал разлагаться. Зачем нам спасать то, что уже остыло?

— Мы здесь не для того, чтобы хоронить, — голос Лилит эхом отразился от обсидиановых стен, но в нём не было прежней власти. — Мы здесь, чтобы не дать Хаосу сожрать наши вотчины раньше, чем мы сами перегрызем друг другу глотки.

Малх издал фальшивый, звенящий смешок, который тут же оборвался хрипом; его иллюзорный колпак на миг рассыпался горсткой пепла, обнажая истинный оскал ужаса.

— Структура? — Сейнара чуть наклонила голову, и ее бездонные серебристые глаза в упор встретили взгляд Лилит. Ее голос прозвучал ровно, холодно и неотвратно, как стук падающей гильотины. — Структура была законом. А то, во что вы все это превратили — лишь предсмертная судорога. Мы — демоны, Лилит, но хаос — это не дом. Хаос — это могила, которую вы выкопали себе сами. И я здесь не для того, чтобы бояться темноты, а чтобы зачитать приговор тем, кто в ней заблудился.

Сейнара закончила фразу, и в зале воцарилась тяжелая, зловещая тишина. Но она длилась недолго.

Лилит сильнее сжала рукоять кинжала из кости мертвеца, чувствуя, как внутри Ада закипает назревающий бунт. Князя не боялись её, потому что больше не боялись Люцифера. И именно в этот миг, когда спор грозил перерасти в открытую бойню, Небеса и Ад содрогнулись от одного и того же чудовищного толчка.

Внезапно воздух в центре зала, между Сейнарой и Лилит, пошел рябью, словно раскаленный маревом над адской кузней. Только это марево было не огненным, а темно-багровым, цвета запекшейся крови и небытия. Тьма в углах зала сжалась, словно от страха, а факелы разом поменяли цвет с красного на мертвенно-синий.

Глас не пришел извне. Он возник внутри самой сути их демонических душ — не как мысль, а как ледяное, раскаленное клеймо, которое невозможно стереть. Это была не просто боль; это был скрежет ворочающихся тектонических плит, перемалывающих фундамент самого мироздания.

От этого звука у Малха мгновенно опали фальшивые крылья, а сам он сжался в комок на обсидиановом полу. Даже Астарот, самый стойкий из присутствующих, инстинктивно сделал шаг назад, оскалившись в беззвучном рыке.

Это было эхо того, что таилось в холодной Пустоте между мирами эоны лет, терпеливо ожидая своей очереди. И теперь его время пришло.

— ВРЕМЯ ИЛЛЮЗИЙ ПРОШЛО, — Глас раздался не в ушах, а в костях и черепных коробках всех присутствующих, сотрясая их суть. — **ВЫ ВСЕ БОЛЬШЕ НЕ ПРАВИТЕ ЭТИМ МИРОМ. ОН ПРИНАДЛЕЖИТ МНЕ.**

Вместо материального силуэта реальность в центре зала просто треснула по швам. Воздух мгновенно стал ледяным и густым, заставляя задыхаться даже высших демонов. Глас не имел формы и не спускался откуда-то извне — он был везде и сразу, одновременно заполняя собой и самую глубокую точку Ада, и самые высокие небесные сферы, оставаясь невидимым и непостижимым. Это присутствие давило на разум с силой тектонических плит.

Михаила прошило током. Глас не просто говорил — он вывернул его сознание наизнанку. Архистратиг услышал какофонию криков тех, кого истребил во имя Бога: детский плач из сожженных городов, предсмертные хрипы павших братьев, стон земли, пропитанной кровью, — всё слилось в один невыносимый, ядовито-властный аккорд.

— Ты — пустота, — прохрипел Михаил, сжимая кулаки так, что из ладоней потекла небесная кровь. — Ты не созидал, ты лишь паразит!

— «Паразиты кормятся жизнью, Михаил, — Глас рассмеялся, и этот звук напомнил шелест гниющих страниц, рассыпающихся в прах. — Я же кормлюсь вашим смыслом. Твой «Порядок» был лишь долгим, невыносимым ожиданием Моего прихода».

В Чёрном Зале Совета Лилит, сжимая рукоять ритуального кинжала, воззвала в сгущающуюся тьму:

— Я — свобода, которую не покорил даже Его свет! Ты думаешь, Ад склонится перед тем, у кого нет даже формы?

— «Свобода — это форма вашего заточения, Лилит, — отозвался Глас. Стены зала мгновенно покрылись инеем, на котором выступили капли черной, смолистой субстанции. — Ты была свободна лишь до тех пор, пока Я позволял вам тешиться этой иллюзией».

Затем тон Гласа изменился, став вкрадчивым, почти интимным, обращаясь к Ксараку, который до этого момента молча стоял в тени колонны, излучая зловещее спокойствие:

— «А ты... ты единственный, кто не тратил силы на слепую верность. Ты ждал. И Я видел твоё ожидание».

Ксарак медленно опустился на одно колено, и в его пустых горящих глазницах вспыхнуло торжество.

— Я готов принести Твой закон в самые темные углы этой тюрьмы, — прошипел он.

Не выдержав предательства, Лилит метнулась к нему, но Ксарак перехватил её с пугающей скоростью. Он схватил её за подбородок, грубо задирая голову вверх, и извивающиеся щупальца, проросшие из его черепа, тяжелым кольцом обвилились вокруг её шеи.

— **Предатель!** — выдохнула она, пытаясь вырваться. — Ты всегда был псом, ждущим хозяина, который кинет тебе кость покрупнее! Мы строили этот мир, а ты готов стать его палачом?

Ксарак даже не обернулся; щупальца на его голове извивались, словно живые, отравленные змеи.

— Этот мир был мертв задолго до твоих речей, Лилит, — отрезал он. — Я просто выбрал сторону, которая действительно существует.

В этот момент Облачный Предел содрогнулся. Под ногами ангелов плиты начали стремительно «гнить»: белое, некогда священное золото пространства пошло пузырями, чернея и источая смрад разложения. Само небо отторгало их присутствие, и давление стало невыносимым.

Михаил боролся до последнего. Он чувствовал, как закаленные в зонах войн доспехи трескаются, а сама его гордость плавится под гнетом чужой воли. Внезапно он осознал: каждое мгновение, что он продолжает стоять, — это акт личного бунта

против старой лжи. Но он не успел. С глухим, сокрушительным звуком невидимая сила пригнула его к земле. Плиты под его коленями сгнили в серую труху, и Архистратиг рухнул лицом в черную слизь, в которую превратилось священное пространство.

В Аду, в тысячах миров от него, Лилит, рыдая от ярости, также пала на колени. Её воля, способная противостоять свету самого Люцифера, была сломлена этой невообразимой физической тяжестью пустоты.

Оба мира — Небеса и Ад — в едином порыве склонились перед тем, кто пришел занять их опустевшие престолы.

«Я вижу каждую вашу слабость. Вы мнили себя столпами мироздания? А теперь вы — лишь песчинки в Моих руках. И Я останусь здесь навсегда».

Слова Гласа впечатались в саму ткань бытия, и время, доселе бывшее вечным потоком, застыло, превратившись в душную, неподвижную клетку. Впервые за всю историю творения Небеса и Преисподняя заговорили на одном языке — на языке мертвой, тор

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.